

для ДАМЪ

СОДЕРЖАНИЕ: За трояк і життя. Исторический романъ Гьютта. (Продолж.). — Поезды изъ шпеннцъ. (Продолж.). — Женская любовь. Новелла. (Продолж.). — Ничто о жизни и деятельности Фридриха Фребеля. — Фельетонъ. — Сибирь. — Описание вымышленной вытолки № 6. — Продолженіе описанія рисунковъ № 24. — Объясненія.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ ГИЛЬЯН.
(Продолженіе).

(Продолженіе).

(Продолженіе).

— Несомненно, произнестъ онъ. «Этo королевскій приказъ — мы должны повиноваться; — несмотря на то, я еще разъ предлагаю вопросъ нашему высочеству: когда французская вспомогательная армія будетъ на ангаіской территоріи?» Берникъ начиналъ досадовать, но превозмогъ себя. Онъ видѣлъ, что необходимость заставляла быть уступчивымъ. «Милордъ», возразилъ онъ,

— Хорошо, сказал герцог, «я скажу коротко и ясно. Так как Вильгельм оранский находится по глав своих припрещенцев, то надо постараться его удалить, для того, чтобы шансы были равны; этого же лучше всего достигнуть таким образом: захватить его и выслать из Англии или запереть в тюрьму».

решимось, а вынимались дьяволы, которые стали рѣшались привести къ концу. Сэръ Поттеръ, Кингъ, Харрокъ и я самъ уже значительно подвинувъ впередъ наше предпріятіе. Мы имѣемъ многочисленныхъ союзниковъ при дворѣ Вильгельма оранскаго, въ самомъ Лондонѣ, въ арміи и среди королевской гвардіи-бѣгущей; я познаюмо васъ въ провинціальныхъ плановъ нашихъ дѣйствій, чтобы вы могли, въ случаѣ, если онъ вамъ понравится, быть на своихъ мѣстахъ и притомъ вѣрны къ востанію. Военными операціями должны будете заправлять вы, мужи Англіи—востаніе же производятъ избранные нами люди, и чтобы нѣкто изъ нашихъ высокопоставленныхъ друзей не былъ скомпрометированъ, бунтовщики должны быть набраны во Франціи. Сорора пати чезовъ была довольно—она перемѣнитъ каналъ, поодиночки или попарно, остаются въ домѣ Гунта, откуда и прибываютъ въ Лондонъ. Эти люди принадлежатъ гвардіи короля Якова—въ Лондонѣ я самъ приму ихъ. Все это не должно войти въ мѣлчайшаго подозрѣнія—содатому уже отданы приказанія на этотъ счетъ. Вы, тотъ-же вечеръ послѣ прибѣга, каждый изъ нихъ отправится на площадь Ковентъ-Гардена, гдѣ истрѣбитъ прогнанагося дьявленмена; въ каждомъ дьявленмена дьявленмена будетъ выглядывать саженой второе утолъ носового платка. Этотъ дьявленмена будъ я, шикостные государи, я приму солдатъ и отведу каждого изъ нихъ въ безопасное мѣсто. Когда наступитъ день востанія, васъ предупредятъ объ этомъ и вы все бѣ-

дете на своихъ мѣстахъ; когда король будетъ похищенъ и загорится восстаніе—дѣло мое и тѣхъ сорота пикъ чеповѣвъ будетъ уже окончено, — тогда вы начнете свое».

Присутствующіе такъ были поражены уже на половину подготовленнымъ предпріятіемъ, что лорды могли только проговорить: «въ такомъ случаѣ хорошо—мы съ своей стороны не оплошаемъ».

Беринкъ казался довольнымъ. «Я принимаю отъ васъ присягу королю Якову, друзья мои», вскричалъ онъ. Поднявъ руки, лорды присягнули королю, который никогда не охранялъ правъ своихъ подданныхъ.

Баркалъ улыбнулся—онъ подалому о преданности этихъ людей и о разозораніи, которое имъ ожидало въ случаѣ успѣха, но гнусному интригану, надѣвшемуся достигнуть высшихъ почестей, успѣхъ случать только одно хорошее—а до судьбы союзниковъ ему не было никакого дѣла.

Ваше высочество, замѣтилъ Кинфюрдъ, «мы должны выразить вамъ и прочимъ товарищамъ нашу благодарность за все случившееся, но будьте осторожны: не увлекайтесь слишкомъ успѣхомъ—отголоски на прошлеіе: между заговорщиками часто бывають измѣнники».

Беринкъ окинулъ взоромъ собраніе. «Я не вижу здѣсь никого, способнаго на такое дѣло».

— Зѣсь-то, можетъ быть, нѣтъ никого, а въ другой мѣстѣ, вѣрутъ происшествіе зловоній, женскій голосъ. Всѣ оглаушались въ ужасѣ.

— Кто сказалъ это? вскричалъ Беринкъ.

— Я знаю этого голосъ, сказалъ Портеръ. «Эго Бесси Гунтъ—Бесси, куда ты спряталась?» Не дожидаясь дальнѣйшихъ розысковъ, дочь конторщика вышла изъ за камина. Она, по всей вѣроятности, уже давно тамъ стояла.

— Чортъ возьми—что намъ дѣлать съ этой дѣвушкой? вскричалъ Фергусонъ; мы у ней въ рукахъ—она можетъ насъ выдать.

— Ха! ха! ха! смѣялась Бесси. «Взгляните на этого хвастуна—онъ боится. Если бы я захотѣла выдать васъ, то могла бы сдѣлать это разъ десять;—будь у меня другой замыселъ противъ васъ, я не спалася-бы дружить съ вами».

— Эго правда, сказала герцогъ;—она спасла насъ отъ большой бѣды».

— Моя дочь привержена къ королю Якову—она надежный посолъ, сказалъ Гунтъ, выступая. «Бесси уже много лѣтъ вѣрно намъ служитъ», сказалъ Портеръ.

— Хе-хе, въ самомъ дѣлѣ? вскричала Бесси. «Еще-бы, я дѣйствую честию многихъ изъ васъ, которые знаютъ съ дружны людьми».

— Она что нибудь да знаетъ, вскричалъ Фергусонъ.—Прочь съ твоей болтовней!

— Поттише, сказала Бесси. «Я говорю, что мы надеемся» и я хочу предостеречь васъ. Георгъ Портеръ—гдѣ вашъ другъ и будущій тесть, какъ говорятъ: сэръ Пендерграсъ?»

Георгъ вздрогнулъ—сэръ Джонъ не явился; Георгъ передъ самымъ началомъ собранія былъ у новаго совѣтника заговора—и теперь этотъ вопросъ Бесси....

— Я не знаю, гдѣ можетъ быть Пендерграсъ, кромѣ своего замка, сказалъ онъ. «Нездоровье задержало его—А....»

— Гдѣ король Вильгельмъ, сэръ Георгъ? спросила дѣвушка. Въ прислушавшись съ напряженіемъ.

— Въ Гуденфортъ».

— Нѣтъ, сэръ Георгъ,—нѣтъ, господа. О—сэръ Пендерграсъ вполнѣ заслуживаетъ, чтобы мы дождались его совѣта—это честнѣйшій другъ; что дѣлать, любяще въ прекрасной миссѣ дѣлѣ оставила васъ, иначе вы замѣтили-бы, что обладатель Кильбурнхауза нахочіе приверженцы короля Якова. Сэръ Джонъ не явился на собраніе потому, что король Вильгельмъ ужиналъ сегодня у него въ домѣ съ нѣмъ и его дочерью и потому, что король Вильгельмъ сегодня почуетъ въ домѣ вѣрнаго любимаго».

Крикъ гнѣва и ужаса раздался въ залѣ. Заговорщики съ проклятіями схватились за книжки и бросились къ своимъ замкамъ. «Осторожно!» вскричали Беринкъ и Харнокъ.

— Бесси, ты правду говоришь? вскричалъ Портеръ.

— Это также вѣрно, какъ то, что ты меня видишь. Я слышала это въ Гуденфортѣ; когда я шла изъ Пайленда и была въ себѣ, все говорили другъ другу: король почуетъ у любимаго.

Ответа ты не сказала объ этомъ раньше? закричалъ Портеръ.

— Я выжидала возможности навсегда разлучить тебя съ Пендерграсомъ, промолвила Бесси. Совѣники не могли успокоиться, они въ наступленіи прокляли измѣну.

— Погодите, ради Бога, вскричалъ Георгъ Портеръ.

Мы узнаемъ, въ какомъ находимся положеніи—я избралъ Пендерграса въ совѣники, полагаюсь на его честность, — но я узнаю. Если правда, что говоритъ Бесси, то намъ угрожаетъ опасность и я вѣрнѣе васъ. Оставайтесь всѣ здѣсь, господа, черезъ два часа я вернусь—будьте покойны. Если сэръ Джонъ дѣйствительно мошенникъ, то бѣгство невозможно—онъ уже расказалъ слишкомъ противъ насъ; тогда только подумайте, можетъ спастись васъ; я же побѣду въ Кильбурнхаузѣ, а дождень—я отыщу Оранца—и тогда, можетъ быть.... онъ сдѣлаетъ угрожающій жестъ.

— Не плошайте, вскричалъ Харнокъ.

— Оставайтесь всѣ здѣсь.—Гунтъ, отворите дверь, если будетъ опасность;— намъ известно мое мужество, сэръ Харнокъ—я скоро буду назадъ. Лошади, мои лошади!

Заговорщики стоились въ ожиданіи.

Проникнувъ противъ злой силы, воскликнулъ докторъ Петерсонъ. «Мы должны поучить назиданіе въ виду опасности».

— Ниши покурить твои денегъ королю, промолвилъ Беринкъ своему другу Баркалу. Мы должны быть готовы ко всему. Гдѣ наша лошадь? — У Хопе-Чапеля—я знаю дорогу.

Гунтъ и Бесси вышли изъ дому осматривать посты. Всѣмъ человѣкъ окружалъ домъ на нѣкоторомъ разстояніи—первымъ стоялъ Эдмундъ Кейсъ, сэръ Георгъ.

— Все-ли спокойно, Эдмундъ? спросилъ Георгъ.

— Да, мастеръ.

Въ эту минуту черезъ равнины Моора неслась темная масса, похожая на ступившее облако. Это былъ Георгъ Портеръ, скакавшій въ Кильбурнхаузѣ.

— Черезъ два часа съ половиною онъ можетъ вернуться, сказалъ Гунтъ. «Пойдемъ домой, Бесси. Послушаемъ проповѣдь Петерсона».

(Продолженіе будетъ).

ПЛЕВЕЛЫ ВЪ ПШЕНИЦѢ.

(Продолженіе).

Тетушка все смотрѣла на него, сидя на своей кушеткѣ скрестивъ руки и покаявша своей старческой головой. Въ комнатѣ царствовало молчаніе. Наконецъ Христіанъ спросилъ:

— Дина не хотѣла меня видѣть, тетушка; конечно, болѣзнъ была только отговоркой. Очень она меня ненавидитъ?

— Ненавидитъ ли! о! я скорее думаю, что разочарованіе въ любви неслабо ея отвращеніе къ намъ. Мы, женщины, жестоко мстимъ, когда обижаемся. А я думаю, ты будешь доволенъ, узнавъ, что дѣлаешься свободнымъ. Вамъ теперь столько дѣла.

— Вы намекаете на даму въ деревнѣ, съ сердцемъ сказала графъ, я знаю, это было событіе,

увишавшее Дину. Я хотѣлъ объяснить все Динѣ. Графиня Мирта засмѣялась.

— Будемъ дѣйствовать честно, Христіанъ, сказала она. Ты хотѣлъ объяснить. Правда, объяснить можно все, даже пріемышю можно назвать дѣткимъ какою нибудь товарища дѣтства. Ты думаешь этимъ дѣла и кончено. Итъ, мой другъ, въ сердце жени всегда останется сомнѣніе. Сколько мы вѣраемъ, у тебя нѣтъ ни сестры, ни близкаго родственника. Какая же женщина съ ребенкомъ можетъ такъ требовать тебя къ себѣ? Ты можешь быть, скажешь, это старая знакомая прежнихъ лѣтъ, но такіа знакомства съ женитбою должны прекратиться. Сознаться, эта дама, которую ты говоришь «тѣмъ», одно изъ твоихъ юношескихъ заблужденій?

Терпѣніе графа истощилось отъ послѣднихъ словъ тетки.

— Такъ да же, чортъ возьми! Не въ монастырь же мы жили до женитбы и если нѣжности Дина доводила меня иногда до отчаянія, то это потому, что я отъ брака ожидалъ болѣе свободныхъ отношеній. Вѣра, говоря съ Диной, я хотѣлъ подѣлиться съ нею тѣми затрудненіями, которыя возникли на моемъ пути, но я жестоко ошибся. Пусть будетъ такъ! Но не первый бракъ, который кончается разводомъ. Но что бы могло значить такое пезнаное охлажденіе Дины? Если бы мы не жили здѣсь, запертые какъ въ гробу, а бы подумалъ, что Дина въ кого нибудь влюбилась.

Графъ ожидалъ, что тетка засмѣется отъ этихъ словъ, но онъ ошибся.

— Почему же ты считаешь это невозможнымъ? проговорила она.

Этотъ вопросъ озадачилъ графа, но не надолго; онъ вскорѣ раскислялся.

— Дина влюблена? это интересно! Въ кого же? утъ не въ Виллаю ли? Ха, ха, ха!

— Этого я не знаю! серьезно сказала графиня.

— Откуда же вы знаете, что она влюблена. — Очень просто, потому что изъ сердца женщины старая любовь не выйдетъ прежде, чѣмъ не войдетъ новая.

— Что вы говорите?!

— Я давно замѣчала, что Дина сдѣлалась изъ тебѣ равнодушной. Вѣра я знала это навѣрно. Она ревновала тебя только по привычкѣ.

— Итъ, Дина любима? но кого же? или, скорее, чѣмъ? потому что я здѣсь вижу только безеда, но не людей.

— Почему же ей не влюбиться въ то, что намъ вѣшь мебелью. Женщина сама часто не знаетъ, кого она любитъ. Дина могла влюбиться въ какого нибудь героя романа влюбилась Вудъ. Дѣло въ томъ, что она любитъ. Иначе она бы невольно не охладила бы въ тебѣ. Я знаю навѣрно, что съ нѣкотораго времени Дина любитъ другого, но не тебя.

Графиня Мирта говорила на этотъ разъ съ полнымъ убѣжденіемъ и Христіанъ это чувствовалъ; онъ сердито сжалъ кулаки. Мужчина требуетъ вѣрности даже и отъ покинутой имъ женщины.

— Кого любить она? едва слышно произнесъ онъ.

— Я тебѣ уже сказала, Христіанъ, что не знаю; можетъ быть, это герой какою нибудь романа, можетъ воображеніа, который при первой встрѣчѣ съ вѣтъ нибудь перейдетъ въ дѣйствительность, и Дина это ошествереніе своего сердца полюбитъ больше, чѣмъ то, за что ее выдали прямо съ школьной скамьи. Ты тоже хочешь пожить съюжею прежнюю жизньъ. Пользуешься минутой. Навѣнне она новую жизньъ. Могу ли я передать тебѣ согласіе, Христіанъ? она ждетъ его.

Долго медля въ отвѣтъ графа, наконецъ сказала:

— Если она этого хочетъ, пусть будетъ такъ. Тетушка отерла на глазахъ слезы.

— Прекрасно, Христіанъ! Расставшись, вы будете счастливы. Притворство томило васъ. Если бы у васъ были дѣти, дѣло пошло бы иначе. Хапопты по разводу могли поручить доктору Дождеру. Я думаю даже послать сегодня за нимъ въ городъ. Милая дѣти! Я пошлю къ Динѣ, продолжая она, обнимая графа, снить съ ея сердца такое бремя. О томъ, гдѣ и какъ вы будете жить, и куда притронутъ Мау, мы поговоримъ завтра. — Неужели, несмотря на свѣтъ, ты пойдешь въ деревню?

— Да, отвѣтилъ графъ Христіанъ твердо; онъ былъ очень блѣденъ, но спокоенъ; да, я пойду въ деревню.

— Одились потеплѣ!

IX.

Злобная радость.

Графиня Дина между тѣмъ вовсе не думала делать въ постели, но она также и не начинала одѣваться.

Закнутая въ шаль, она стояла молча, слушая тѣ шепоты и рассказы, которые съ злобой утайбой передавала ей ея камерфрау. Завтракъ, который графиня вѣдала подать себѣ наверхъ, стоялъ нетронутый на столѣ.

— Итанъ, графъ не хотѣлъ слушать того, что ему хотѣла сообщить обо мнѣ графиня Мирта? спросила Дина.

— Все какъ я имѣла честь доложить вамъ, ваше сителство. Господинъ графъ предполагалъ, что для этого всегда найдется время. Графиня Мирта должна была употребить все стараніе, чтобы господинъ графъ согласился выслушать ее. Онъ такъ спѣшилъ. Простите, ваше сителство, если я, какъ вѣрная слуга, знавшая еще вашу покойную матушку, осмѣлюсь передать вамъ, что..... но я считаю своей обязанностью, сообщить тайну, которая можетъ быть полезна.....

Графиня Дина нѣкоторое время молча стояла у окна, наконецъ обернувшись съ своей приближенной и проговорила:

— Въ вѣрная слуга, Суанъ, благодарю васъ. Я совершенно согласна по всемъ съ графомъ. Онъ сообщил мнѣ о своихъ планахъ. Вы очень обходитесь, если предполагаете, что между нами произошла размолвка. Кажется, все въ домѣ находится въ этомъ заблужденіи. Ваша горечность, доказываетъ вашу преданность. Можете вѣсть себѣ въ шкафу мое осеннее платье, сѣрое... Хорошо, хорошо, не стоитъ благодарности. Посмотрите, не идетъ ли графиня Мирта.

— Цѣлую руки графинѣ. Ваша тетюшка, кажется, идетъ, я слышу ея шаги въ первой комнатѣ.

Дѣйствительно, въ сосѣдней комнатѣ что то зашумѣло и зашуршало и графиня Мирта вошла въ комнату.

Послѣднимъ жестомъ она удалила изъ комнаты Суанъ и, когда та скрылась, тетюшка съ гордостью и торжествомъ обвила плеченину.

— Побѣда, дитя мое, онъ согласенъ!

— О, я вѣстою не сомнѣвалась, насмѣхливо проговорила Дина, освободившись изъ объятій тетки и подходя къ камину. Сегодня такъ холодно. Ты такъ, онъ согласенъ. Когда же?

— Сегодня пошлемъ за адвокатомъ, а завтра переговоры обо всемъ втроемъ. Ты должна преодолѣть свои чувства и потолковать съ нимъ. Надо торопиться, пока не вышло скандала. Вообрази, онъ хочетъ перевести эту женщину въ законы. Да, да! это она сама сказала трактирной хозяйкѣ, хозяйка передала Розѣ. Роза рассказала Норрѣ, отъ которой я это узнала и слѣду передаю тебѣ. Я запретила людямъ говорить о такихъ вѣщахъ и притворилась сама, что ничего не знаю. Христіанъ сказалъ мнѣ, что, онъ думалъ, ты совсѣмъ исправилась, хотѣлъ самъ признати-

ся тебѣ во всемъ, такъ какъ въ бракахъ это вещь обыкновенная. Но, послушай, надо намъ переговорить. Завтра придетъ адвокатъ, онъ вѣрно покоритъ человѣкъ. Мы трое обсудимъ дѣло. Послѣ завтра мы, т. е. мы и я, удѣлимъ ожидая окончанія дѣла въ Парижѣ. Онъ можетъ тогда распрощаться здѣсь на свободѣ. Я заранѣе радуюсь вечерямъ и обществу. Позже мы рѣшимъ, гдѣ будемъ жить. Эта женщина будетъ здѣсь въ замкѣ! Хозяйка рассказываетъ, что они говорятъ между собой очень тихо, ихъ нельзя подслушать, иногда у нея вырываются слова: «Ты долженъ возвратитъ отца моему ребенку! ты говоришь о твоей женѣ; но вѣдь веляющіе такъ можно разорвать. Мои права неотъемлемы». Все въ замкѣ знаетъ объ этомъ и жаловѣя тебѣ. Винако, конечно, стоитъ на его сторонѣ.

— Маза остается у Христіана. Кто знаетъ, можетъ быть, даже незнакома ей сестра. Успокойся, дитя мое, потерпи здѣсь еще денка два. Въ городѣ все примутъ нашу сторону. Теперь все прошло, не правда ли? Скажи мнѣ, ради Бога, за что ты его такъ ненавидишь? мнѣ кажется, онъ гордится этимъ.

— За что я его ненавижу, воскликнула одушевленная Дина, поднявъ руки, что заставило шаль упасть съ ея красивыхъ плечъ. Я тебѣ скажу, тетя. Потому, что я знала существо, которому принадлежалъ теперь все моя чистая любовь, и потому, что въ эту минуту я узнала, что мой мужъ безсмысленный обманщикъ! Но я буду счастлива!

(Продолжение будетъ).

ЖЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Новелла Франца фонъ-Пенкерсдорфа.

(Продолжение).

Подъ старой риги съ живописными фангомиъ деревомъ, у самого выступа скалы, притаился блѣдный домикъ съ зелеными ставнями. У дома была тщательно содержимый садикъ. Въ воздухѣ разсѣяло пахло померанцевымъ цвѣтомъ, глазъ съ удовольствіемъ любовалась красивыми гранатами. На каменной скамьѣ, передъ фонтаномъ сидѣли двѣ женщины. Одна изъ нихъ была одѣта въ блонъ, съ гранатовымъ цвѣткомъ у груди и въ темныхъ волосахъ. На другой былъ некрапсивый туземный нарядъ, но за то, на мощныхъ и грубыхъ плечахъ ея красовалась такая голова, которая могла-бы послужить моделью любому художнику. Здѣсь живящемъ находились древне-германская дѣва, съ прозрачной, бархатистой кожей, розовымъ бутончикомъ мѣсто губъ, адуриными голубыми глазами и золотыми кудрями. Г-жу Смирдину у насъ такую же, какъ и прежде, съ смуглыми, необыкновенно оклепанными, хотя и некрапсивымъ лицомъ и съ магнетическими, огненными глазами. Мы расстались въ Петербургѣ, на Англійской набережной, а встрѣтились у подножія Альповъ.

Она отбросила какую-то пачтунную работу и радуюно протянула мнѣ руку.

Повилъ распросто и рассказы; разговоръ скоро оживился. Красная туземка смотрѣла на насъ большими удивленными глазами и слушала нашу болтовню.

Г-жа Смирдина выжимала великолѣпные персики и поднимала ихъ красивымъ мѣстнымъ винтомъ; мы наслаждались этимъ южнымъ лакомствомъ.

— Здѣсь въ горахъ обитаетъ счастье, не шитое еще въ другихъ вѣстахъ, сказала она мнѣ, улыбаясь.

— Со временемъ, въ здѣсь соскучится, сударыня, скромо зажиточна дѣвушка; когда свѣтъ покроетъ наши горы, а зимнія бури проглотятъ снѣгъ весь дождь, мы бываемъ отбѣганы отъ цѣлаго Мира.

— Что за бѣда. Я никогда не расстанусь съ вами, миланъ; нигдѣ мнѣ не было такъ хорошо, какъ здѣсь.

— Позвольте мнѣ укрѣпить вашъ энтузіазмъ. — На вѣстоюмо мѣсяцъ не прочь и я снѣтъ глѣзю на первый скалы, но потомъ, неудержимо потахнетъ въ населенные города, къ вѣстамъ, гдѣ совершается исторія челоувѣчества и слышите бѣшеніе пугаюя жизни.

— Меня не потянетъ; одна мысль о праздникахъ безъ веселья, обо всемъ ненужномъ, утомляющемъ шумѣ, уже наводитъ на меня тоску. Г-жа Смирдина легко проскочившая между цѣтковыми клубами въ краю утеса.

Тыя лежали уже въ дождѣ и только на вершинахъ горы играли еще промѣняемые лучи солнца.

— Тамъ, внизу, близъ Терлана, долженъ былъ находиться «Рай» графини Маргариты, сказала она, указывая внизою своей маленькой рукой.

— Такъ утверждали и легенда, прибавила, что «многіе сѣлычаніи знали туда дорогу».

— Безъ любви весь миръ былъ-бы пустыней, а съ любовью, каждый уголокъ становится раемъ.

Викторина въ тригелета, говоря эти слова, между тѣмъ, какъ ея сипуница оставалась безстрастной. Она была вулканъ, другая — сибирская гора. Туземная дѣвушка походила еще, пожалуй, на блѣднѣ листвѣ, на которой жани, рукою Викторины, писала свои первая строки.

— Еслибъ одна только любовь давала цѣну жизни, то что же стало-бы съ челоувѣкомъ, котораго любовь покинула въ этомъ уединеніи. Тамъ, на жланномъ рынкѣ, есть другія развлеченія и вошненія, а что-же останется здѣсь послѣ любви?

— Въ любви не бываетъ «послѣ». Съ любовью кончается и самая жизнь!

Дѣвушка проводила меня до калитки.

— Какая это добрая женщина, говорила она дорогая; она учитъ меня разнымъ работамъ, музыкѣ и по французски. Дай ей Богъ всегда быть счастливою!

По дорогѣ, я раздумывалъ о странномъ степеніи обстоательствъ. Тамъ, внизу, «на почтѣ», стережетъ кингния Ш. Въ ея борьбѣ съ Викториной и Федоромъ Михайловичемъ наступилъ новый фазисъ. Тѣ двое удалились отъ общности, отрезавъ отъ своихъ связей и обязанностей, чтобы вести жизнь голубовѣ. Онъ не можетъ обойтись безъ густыхъ сливокъ; снѣтое молоко приводитъ его въ отчаяніе.

Она не можетъ обойтись безъ любви; равнодушіе убьетъ ее.

А волъ и Меранъ съ мелькающими кое-гдѣ огоньками.

Больные улеглись спать. Нѣтъ огню кингния Ш. только лодомъ снѣга. Она отворена и она тревожно ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Эта одинокая женщина съ злобой горечью думаетъ о тѣхъ соединеніи парочекъ.

— Я жду! сказала она мнѣ. Чего-же ждѣтъ здѣсь кингния?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Облака обманчивы и непостоянны, какъ счастье.

Горы надѣян свои козаны изъ туманомъ; также давить сѣрый, пропитанный дождемъ, воздухъ. Небо не убаюкаетъ быть накуриванной цѣтныи землѣ.

Мени потонуто взглянуть на мѣсто, назавшееся вчера снѣгъ.

Дорога опять шла мимо огню кингния, но теперь были заперты дѣла стани.

На горной тропинкѣ повстрѣчался мнѣ всадникъ, съ надвинутымъ на лицо дождевымъ капюшономъ. Я предполагалъ, что это Федоръ Михайловичъ. Вскорѣ за тѣмъ разразилась буря; она сгребала деревья, косматила ихъ вершины и надмывала волны въ горныхъ ручьяхъ. Промокшій и усталый добрался я до бѣлаго домика.

родился третій сынъ — Фридрихъ, впоследствии известный Фридрихъ Фребель.

Маленький Фридрихъ рано извѣдалъ горе. Здоровье матери его, потрошенное его рожденіемъ, не могло больше поправиться и черезъ годъ, врожденный которому онъ пользовался материнскимъ попеченіемъ, — она умерла. Съ нею въѣсть исчезла радость и счастье насъ старшего дома.

Отцѣ въ приходѣ котораго было шесть или семь деревень и который, кромѣ того, обязанъ былъ наблюдать за постройкой церкви, мало занимался сыномъ и мальчикъ, до четвертаго года, былъ предоставленъ небрежному уходу домашней прислуги.

Въ 1786 г. отцѣ его вторично женился. Сначала новые отношенія благотворно подѣйствовали на ребенка, пугавшагося въ любви; но когда у матери родились собственные дѣти, она лишила сына своего прежняго благоволенія, перешедшаго мало-по-малу въ отвращеніе, которое она, даже, не въ состояніи была скрыть. Съ глубокимъ прискорбіемъ рассказывалъ уже взрослый Фребель, въ письмѣ къ принцу Шварцбург-Рудольштадтскому, что его вторая мать никогда не обращалась къ нему иначе, какъ къ третьему ребенку. Чужие люди постарались поселить въ юномъ сердцѣ мальчика безстрашную мысль, что мамина его ненависть. Вскорѣ онъ самъ въ этомъ убѣдился, такъ какъ она постоянно жаловалась мужу, что Фридрихъ дурной ребенокъ, котораго трудно воспитывать, и этими жалобами поколебала расположеніе отца къ нему.

Эти обстоятельства и другія, относящіяся къ вѣстному положенію его дома, заставляли Фридриха рано задумываться и сосредоточиваться. Ему рѣдко позволяли ходить дальше двора и сада, окружающихъ дома, позади котораго возвышалась скала, между тѣмъ, какъ съ прочихъ сторонъ его тѣснили другіе дворы.

Такимъ образомъ, умъ его рано обратился на бланки предметы. Отцѣ заставлялъ его ходить за садами, что возбуждало его вниманіе къ міру растений и, такъ какъ ему часто приходилось помогать домашнимъ, то всѣ его игры и занятія принимали практичное направленіе. Отцѣ Фребеля много заботился о благочестіи и въ его домѣ постоянно, въ вѣдѣнные часы, читалась библия. Всѣ члены семейства должны были при этомъ присутствовать. Хотя эти думы давали серьезное направленіе характеру мальчика, но принужденіе было только въ разладу между нимъ и всѣмъ окружающимъ, такъ что, временами, ребенкомъ овладѣвала безумная рѣзвость и духъ разрушенія. Чтобы его укротить, отцѣ послалъ его въ женскую школу, которая отдалась уже школы для мальчиковъ порядкомъ, тишиною и благопріемъ. Здѣсь зналъ онъ естественно изложенное положеніе. Въ этой школѣ, для воспитанія дѣтей, считали необходимымъ посылать ихъ дважды въ день въ церковь, гдѣ они обязаны были стоять благоговѣно, внимательно слушать и почти слово въ слово запоминать проповѣди пастора, что было тѣмъ труднѣе, что рѣчи старика Фребеля были чрезвычайно напыщенны. Кто знаетъ, не здѣсь-ли кроется первая причина тяжелаго сага Фридриха Фребеля.

Сухіе теологическіе выводы, которыхъ мальчикъ наслаивался, будучи молчаливымъ свидѣлемъ разсужденій отца съ прихожанами, обрадовавшимся въ немъ за совѣтами и помощью, не только доставили ему самую рано прислушаться къ самымъ грустнымъ и раздирающимъ струнамъ человѣческой жизни, но возопали и произвели разладъ въ его мозговымъ умъ.

Онъ сталъ искать отрады въ изученіи міра растений и каждый едва замѣтный цвѣтокъ пробуждалъ въ немъ жажду наблюденій и сравненій; на мальчика также полезно дѣйствовали канicularныя посѣщенія старшаго его брата, который учился въ высшей школѣ въ Лейпсѣ.

Въ то время, критическая философія начинала

разбирать основныя положенія теологій; что породило между отцомъ и его старшимъ сыномъ различія въ мнѣніяхъ и споры, въ которыхъ старикъ, въспылившій и нетерпѣливый, а молодой человѣкъ вдохновенно и страстно, отстаивали свои убѣжденія, при чемъ въ душу Фридриха, молчаливаго свидѣля этихъ споровъ, запали многіе зародыши истинъ.

Между тѣмъ, положеніе его въ родительскомъ домѣ и отношенія къ родителямъ нисколько не ухудшились, напротивъ того, онъ съ каждымъ днемъ все болѣе заслуживалъ ихъ порицаніе, а жестокая наказанія, которымъ онъ подвергался и постоянные упреки матери, сдѣлали его замкнутымъ и совершенно чужимъ въ своей семьѣ, такъ что ему жизнь у родителей была крайне тяжела и онъ заволаговалъ братьямъ, которые владѣли отъ нихъ послѣднимъ школу. Наконецъ началась для почти одиннадцатилѣтняго мальчика новая жизнь. Братъ его первой матери, Готфридъ, суперинтендентъ въ г. Нальмъ, посѣтилъ его родителей. Онъ былъ кроткій, любящій человѣкъ и, замѣтивъ скоро враждебность отношеній между Фридрихомъ и его домашними, обратился къ отцу его съ просьбою отдать ему мальчика на воспитаніе. Тотъ охотно согласился.

Къ концу 1792 г. поступилъ Фридрихъ къ дядѣ, котораго жена и дѣти уже умерли. Баба Фридриха вела тамъ хозяйство. Скоро мальчикъ почувствовалъ разницу между новою жизнью и прежней. Въ родительскомъ домѣ царилъ строгость. Здѣсь зналъ онъ кротость и доброту; тамъ ему не доверяли, а тутъ вновь полагались на него. Тамъ онъ терпѣлъ принужденіе — тутъ ему давали свободу. — До сихъ поръ у него не было ни одного товарища и вдругъ онъ въ Нальмъ попалъ въ общество 40 воспитанниковъ старшаго класса одной городской школы, съ которыми ему позволяли бродить по всѣмъ окрестностямъ, съ условіемъ возвращаться домой въ назначенный часъ.

Такимъ образомъ мальчикъ очутился, сдѣлавшись вселеннымъ и физически открытъ. — За играми наблюдали учителя, но не слѣдили нахъ. Фридрихъ чувствовалъ себя глубоко принятымъ, когда во время игры въ крѣпость былъ въ козыло, выигрывалъ его несомненно. Онъ сталъ много работать надъ собою, чтобы и въ этомъ отношеніи сравниться съ товарищами. Виртотю, отъ него, имъ самимъ держатъ, опытъ былъ повсюду къ тому, что онъ, впоследствии, въ своихъ дѣтскихъ садахъ, настаивалъ на равномерномъ развитіи умственнымъ и физическомъ, съ самаго ранняго возраста.

Въ церкви у дяди, также, какъ у него въ домѣ и въ школѣ, царствовалъ духъ свободы, любви и терпимости, такъ что религиозныя воззрѣнія Фридриха начали становиться определеннѣе. До конформизма оставался онъ у Готфмана, затѣмъ возвратился къ родителямъ, которые предначинали его для гражданской дѣятельности. Матиха, смѣрившаяся съ неудовольствіемъ на то, что на воспитаніе старшихъ братьевъ уходило много денегъ, положительна была противъ желанія Фридриха поступить въ университетъ и его рѣшили сдѣлать земскимъ чиновникомъ. Его опредѣлили въ лѣсничую, который въ то-же время былъ хорошимъ геометромъ и таксаторомъ. Когда Фребель перенеслся къ своему новому началу, ему было уже пятнадцать лѣтъ, но лѣсничій оказался до того занятымъ человѣкомъ, что мальчикъ принужденъ былъ самъ заняться своимъ образованіемъ, чему способствовала богатая бібліотека всегда отсутствующаго лѣсничаго. Здѣсь его внутреннее развитіе приняло другое направленіе. Сближаясь съ природою, онъ все болѣе и болѣе отдавался отъ сухой схоластики и постигалъ свое общеніе съ живымъ міромъ. Тогда-же познакомился онъ съ однимъ медикомъ изъ близкаго города, который въвелъ его въ совершенно новый кругъ общества и, между прочимъ, въ первый разъ повелъ его въ театръ. Театральныя пред-

ставленія такъ увлекли Фридриха, что онъ сталъ искать ихъ аномалія съ актерами. Между ними былъ прямоудный юноша, который во время обратилъ вниманіе Фридриха на темныя стороны своего званія. Отъ цѣ Фребеля, узнать объ этихъ отношеніяхъ, до того разсердился, что старшему брату Фридриха пришлось стать, впрочемъ не въ первый разъ, примирителемъ между отцомъ и братомъ. — Въ 1799 г. кончился срокъ обученія, но учитель не хотѣлъ разстаться съ полюбившимъ ему ученикомъ, а такъ какъ Фридрихъ настаивалъ, чтобы его отпустили домой, то лѣсничій прибѣгнулъ къ нечестной мести. Онъ послалъ пастору письмо, которое заключало самыя тяжелыя обвиненія противъ сына и должно было дойти до старика прежде возвращенія Фридриха, предостерегающаго захватъ къ брату, который получалъ, между тѣмъ, много слуховъ. Фридриха несправедливо, естественно, возмущъ родительскаго гнѣва, который онъ узналъ только тѣмъ, что представилъ образцы своихъ чистыхъ работъ, оправдывавшіе его блестящими образами. Онъ не успѣлъ еще приняться за какое нибудь новое занятіе, какъ отцѣ послало его отвѣты деньги ко второму брату въ Лейпсигъ. Тамъ, увлеченный умственной жизнью студентовъ, новой и шумной, Фридрихъ пропался у родителей остался до конца учебнаго семестра. Ему позволили, но не вполнѣ, учиться осенью домой, онъ много перенесъ насмѣшекъ надъ тѣмъ, что и ему тоже удалось похвалу въ университетской жизни. Это, впрочемъ, не обидѣло его съ толку. — Онъ настоятельно просилъ у отца позволенія поступить на камеральный фокъ-лѣтцъ. На его желаніе согласился, но въ тѣхъ условіяхъ, чтобы онъ на ученіе тратилъ не нѣтъ изъ своего маленькаго материнскаго капитала ста. Съ охотомъ повиновался Фридрихъ. Въ 18 лѣтъ вступилъ онъ въ университетъ, въ качествѣ студента философіи. Хотя Фребель жалъ, онъ не расчитывалъ, быть знакомъ почти съ однимъ — только братомъ, которому оставалось еще годъ изучать медицину, и, какъ единственное убогое оцѣнство, позволялъ себѣ театр, но уже во время третью погоду своихъ занятій, онъ сталъ о немъ думать въ деньгахъ. Отцѣ ему выдалъ вдругъ всѣ материнскія деньги, вмѣсто того, чтобы ихъ тратить только на себя, онъ раздалъ ихъ со своимъ задожавшимъ братомъ, нѣтъ отъ не бывшимъ въ состояніи отдать ихъ ему. Напрасно молилъ Фридрихъ отца выдать ему 30 талеровъ, которые онъ долженъ былъ отдать въ содержаніе стола, — отцѣ былъ неумолимъ, такъ что на сына подали жалобу въ сенатъ и его приговорили къ тюрьмѣ.

Деньги небыло томился онъ въ заключеніи, пока отцѣ не согласился на концѣ его выпустить, утѣшавъ его долги въ счетъ будущаго насажденія.

Когда это было сдѣлано, Фребель вышелъ въ январѣ 1801 г. изъ подъ ареста, оставилъ академическую карьеру, за неимѣніемъ средствъ ее продолжать, и вернулся въ отцовскій домъ, чтобы вскорѣ занять мѣсто у одного родственника, гдѣ ему представлялся случай изучить практически сельское хозяйство. Но едва пробылъ онъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, какъ былъ вытребованъ въ сильно заботливомъ отцѣ.

(Продолженіе будетъ).

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Открытіе лѣтнихъ гуляній. — Система Коперника. — Свойства петербургскаго климата. — Дачи. — Виль Гротенбурга въ лѣтнее время. — Статуя Юліана Грознаго, работы г. Антокольскаго. — Людовикъ X]. — Дѣло г. Корба и г-ни Алеймовой. — Князь Гончарскій, прибывшій, послѣ долгихъ странствованій по блу-зуну, въ петербургскую тюрьму. — Любопытныя Гончарскій съ ея музыкою, доходящая до ослабления. — Дѣло М. — Заключеніе.

По календарю, мы уже давно перешли въ весну,

а по отрывшемуся, 25 апреля, въ новой деревнѣ, заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ, и начавшихся музыкальными вечерами въ Павловскѣ, мы уже вступили въ лѣтній сезонъ. Сидѣть, вѣсившіе халявами въ день этихъ открытій, ничего не доказываетъ и ничего не опровергаетъ. Мы твердо вѣрили въ присутствие лѣта, вѣрили тѣмъ болѣе, что, за долго до Ивана Ивановича Назера, въ будочныхъ приделахъ жаровни; а вслѣдъ за открытіемъ Ивана Ивановича стали открываться: таверническій садъ, различные скверы и, если не ошибаюсь, то въ этихъ послѣднихъ уже открыты будки, въ которыхъ сидятъ дѣвочки съ прохладительными напитками. За исчисленіемъ стало тепло, да лѣта нѣтъ, все напоминая лѣто, все доказывая: есть лѣто; и одиѣлись только по теплѣ, да топче ежедневно наши квартиры и ничто намъ не помѣшаетъ наслаждаться благотворными лучами лѣтнего солнца. Лучи эти, однакожъ, приводятъ меня въ раздумье. Ошущая нѣкъ благотворную теплоту, новою задѣсь себя вопрошаю: отчего они такъ холодно? Уже не случалось ли какой либо порчи въ системѣ Коперника? Они упрямѣли насъ, что земля, дѣлаясь поворотъ своей оси, совершаетъ ежегодно путешествіе поворотъ солнца. Вотъ мнѣ и приходится въ голову, что изъ безчисленныхъ этихъ путешествій, продолжавшихся отъ сотворенія міра, могло, пожалуй, произойти какое нибудь поврежденіе, въ силу котораго земная ширь, той стороной, на которой значится одна примѣтная точка, занимаемая нашей обширной сѣверной столицей, не поворачивается лицомъ къ солнцу, какъ это уже предписано, а, вѣроятно, дѣлаетъ некоторое уклоненіе, такъ что солнце и не замѣчаетъ Петербурга. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра: и въ этой, по видимому, аномалии есть иная хорошая сторона, что нашъ Петербургъ можетъ угодить самымъ разнороднымъ вкусамъ. И западнѣе и итальянцѣ одинаково почувствуютъ себя въ немъ среди лѣта: итальянцу придется только гулять по солнечной сторонѣ улицы, а западнику — по противоположной; перній, даже въ началѣ весны, почувствуютъ надъ головою дѣйствіе лучей итальянскаго солнца; второй — даже среди лѣта, насладится всѣми прелестями климата своей родины. Въ особенности будутъ лозны ошущенія западника: онъ не только будетъ вдыхать знакомый имъ воздухъ — гниющій туманъ, но не рѣдко представитъ передъ нимъ самую туману. Ну какой другой городъ въ Европѣ представляется столько удобствъ для разномыслии? Наконецъ, еслибъ, по нечаянности отъ петербургскаго климата обстоятельству, не удалось западнику впасть въ туманнѣхъ наслажденій въ городѣ, то и предложить бы ему прогулку по Чорной рѣкѣ, — такъ онъ навѣрное можетъ наслаждаться зрѣніемъ туману во всякое время года, а лѣтомъ въ особенности. Владыки чернорѣчскіе домны оберегаютъ эти туманы отъ посягательства на нихъ полнѣи и утомляютъ ими своихъ лѣтнихъ жильцовъ, но безъ основанія предполагаю найти въ нихъ вкусахъ нѣкоторое сходство съ вкусомъ западнѣе.

И дѣйствительно, уже теперь чувствѣ городъ: его обитатели снѣхъ переселяются на, такъ называемыя, дачи, расположенныя въ окрестныхъ туманукахъ — и для чего, какъ бы вы думали? А для того, чтобы подышать здоровымъ лѣтнимъ воздухомъ. Если эти говорятъ переселенцы въ Лѣсной, въ Парголово, въ Мурзино, на Бабы Гоны, то я повѣрю, что они говорятъ до нѣкоторой степени серьезно, но переѣзжающа на Чорную рѣчку, на Крестовскій, на Кунаевскій, Атенарскій островъ, Каменный островъ и даже въ Павловскъ и потому подобныя мѣстности, — по возможности шутая, убѣждаю, что въ этихъ мѣстностяхъ они навѣрняка дышатъ здоровымъ лѣтнимъ воздухомъ. Въ переселеніи на дачу я вижу одну необходимость оставить городъ во что бы ни стало, такъ какъ жизнь въ немъ лѣтомъ, дѣйствительно, становится невыносимой. Испор-

ченность воздуха, свойственная всѣмъ тѣмъ городамъ, которые ширятся, развиваются въ ущербъ ихъ внутреннему организму, есть всаго соблюденія санитарныхъ условій, признаваемыхъ тѣмъ-то въ родѣ лѣтней роскоши, — испорченность эта усиливается лѣтомъ мѣсяцами, которыми стоить щедрымъ рукою надѣлять насъ обители газоваго освѣщенія, водопроводовъ, а не рѣдко и думя, превращающаго улицы города въ аэропортъ прощанія, извергающаго изъ нѣдры своихъ протравительствъ для глазъ и убійственному для носа — аэру. Даже заставить беречь, когда подумается при этомъ о тѣхъ счастливыхъ мѣстностяхъ, гдѣ города утопаютъ въ садахъ, а улицы представляютъ роскошные бульвары. И идеть себѣ по такимъ улицамъ вѣшеюхъ, лѣтомъ, и не устаетъ: поведутъ скамьи, поведутъ тѣнь... и вѣсело идеть вѣшеюхъ. А извольте-на у насъ прогуляться изъ конца въ конецъ Лѣтней улицы или Невскаго проспекта... страшно подумать! Идѣть, все такъ душно ухѣтъ въ туману, на дачу: тамъ хоть есть слабый намекъ на жизнь, возможна нѣкоторая прохлада; въ городѣ же все мертво, а вонь и варианты улицы, если и позволяютъ разгуляться мѣсяцамъ, то безотрадной, переносишей мысль нашу въ далеко непривѣтливый страны.

Одно прошлое лѣто составляло счастливое исключеніе для городскихъ обитателей: мануфактурная выставка, привлекая ихъ своимъ серьезнымъ интересомъ, потогнала ихъ вниманіе на столько, что они и не обращали его на непривѣдную сторону нашего лѣта. Теперь совсѣмъ не то: лѣтнихъ и ориентированныхъ обитателей навѣрняка утомятъ лѣтними театрами: П. И. Назеръ открытъ уже свои утомленія въ Новой деревнѣ; откроются и другіе, а между прочимъ и послѣднее, печально-художественное зрѣлище: выставка знаменитого произведенія художника Антокольскаго — статуя Іоанна Грознаго. Говорю — печальное, потому что сила творческаго таланта заставляла мысль нашу перенестись въ самую безотрадную эпоху жизни русскаго народа.

Не знаю, какъ-то, — а я, увидѣвъ эту статую, совершенно позабылъ объ Антокольскомъ, и этимъ, конечно, воздавъ должную хвалу ему — а думалъ объ Іоаннѣ Грозномъ, о дѣяніяхъ его. Вотъ онъ сидитъ на своемъ престолѣ, съ ошущеніемъ на груди говору: всхлудила руки его, конвульсивно сжаты, упираются на боковыя спинки престола; на кодыжахъ у него лежатъ раскрытая съ закладной книга; съ правой стороны престолъ вознута въ полъ его историческая, окованная желѣзомъ, палка; онъ одѣтъ въ кафтанъ въ видѣ подрясника, который прикрытъ былъ ошущеніемъ мѣхонъ мантии, свавившейся съ плеча его и обвивавшей изхудалые члены Грознаго. На головѣ у него — козырекъ: рѣдная борода — въ беспорядкѣ; онъ не читаетъ; глаза его устремлены въ даль, въ ту даль, которая открывалась души его. Правильными и красивыми чертами лица приняла суровый, мрачный видъ. Онъ погруженъ въ глубокое, таинское раздумье, — это доказываютъ сдвинутая брови и неподвижный, пытливыиъ взоръ его. Стоя передъ нимъ, нелегко задѣсь себя вопрошаю, что думалъ онъ въ ту минуту? Обдумывалъ ли онъ отѣтъ, который предстояло ему дать въ земныхъ дѣлахъ его, или же онъ обдумывалъ нѣмой родъ казни, не практикованной имъ до того времени? И такъ и кажется: вотъ онъ встанетъ, схватитъ свою палку и пойдетъ дѣлать кровавыя распоряженія на завтрашній день. И странно станетъ и сердце сожмется, — по тотчасъ вздохнетъ полной грудью, переносишей мыслью отъ этого безотраднаго прошедшаго въ настоящее время.

Глядя на его шапочку, я подумалъ, что голова и другого Грознаго — Іоанна ХІ, прикрыта была такой же шапочкой? Впрочемъ, шапочка французскаго Грознаго короля имѣла свои особенности: ея околышъ состоялъ изъ ряда маленькихъ об-

разовъ, въ числѣ которыхъ былъ образъ Спасителя и Матери Божіей. Любопытно, что Іоаннъ ХІ носилъ эту шапку постоянно; но, когда онъ самъ или кто либо изъ присутствовавшихъ произносилъ имя Богородицы или одного изъ святыхъ, котораго образъ находился на его шапочкѣ, то онъ быстро снималъ священный околышъ своей и дѣловато злихъ свѣтло, названнаго въ разговоръ. Онъ былъ набоженъ, онъ дѣловато образы, а въ то же время на шафотѣ отскакивалъ голову одному отцу семейства, при чѣмъ дѣти, присутствовавшіе, по распоряженію короля, на казни, должны были по его приказанію умыть себѣ лица кровію отца. Но простите, читательница, я увлекаю художественнымъ произведеніемъ Антокольскаго и заговорилъ о такихъ предметахъ, которые могутъ разстроить наши чувствительные нервы. Сознано, что это не хорошо, а между тѣмъ не могу совладать съ собою и вліаніе изъ этихъ поглоты, или друга казая лѣта причина, по положительному не нахожу въ головѣ моей ни одной, сколько нибудь отрадливой картины.

Но то были особенныя времена, и люди тогда были особенные и, кто знаетъ, быть можетъ, да нынѣ нужны были Іоаннѣ Грозные и Іоаннѣ ХІ-мъ? Но вотъ что удивительно, что въ нынѣшнѣхъ смѣтанныхъ цивилизаціи нравахъ, вотъ какъ были правы заявляютъ свѣту о своемъ существованіи:

Екатеринславскій помѣщикъ, известный въ томъ вѣкѣ богатъ, внезапно сдѣлался неумолимымъ тираномъ для своихъ дѣтей. Когда сдѣлаюсь известнымъ, что нѣсколько сыновей его чуть не отправлены на тотъ свѣтъ, вследствие жестокихъ изнѣженій, которымъ подвергалъ ихъ отецъ, то этого отецъ-палачъ былъ привлеченъ къ суду. До начала судебного сѣдывія г. Горба умеръ, а за тѣмъ судомъ раскрыты слѣдующіе факты. Г. Горба сдѣлался тираномъ отцомъ не просто и не по своей, такъ сказать, доброй волѣ, а по волѣ духова, такъ какъ г. Горба, сильно пользовавшійся духами и отлученный ими отъ прочихъ недостойныхъ смертныхъ, пользовавъ въ свою очередь духомъ и, считая съ ума, перешелъ въ братство спиритовъ. Этотъ переходъ совершился при посредствѣ какой-то г-жи Алмоной — жемла, сообщившей г-ну Горба волю духова. Воля эта состояла въ томъ, чтобы онъ заморилъ дѣтей своихъ и передавъ все свое состояніе представителю духова на землѣ, поточному мѣдуну — госнодѣ Алмоной. Поворотъ такой категорической воли духова, г. Горба тотчасъ привнесъ за ея исполненіе: сколько силъ его хватало мучилъ дѣтей, оставшихъ духовное завѣщаніе, которымъ сдѣлалъ госноду Алмоной единственной своей наслѣдницей. За тѣмъ самъ перешелъ въ духамъ, а наслѣдники — неопороченныя дѣти, все такъ возбудили процессъ противъ г-жи Алмоной, и теперь помѣстивъ невинность, что скажутъ духи, когда отъ мѣдуну явится на скамьи подсудимыхъ. Надо полагать, что они устремлены совѣсти прижизненныхъ и отступаютъ отъ своего мѣдуну, какъ отступились они отъ отца спиритовъ г. Юма. И бѣдная г-жа Алмоная, такъ много хлопотавшая для спасенія души Горба и сдѣлавшая не по своей волѣ, а по волѣ духова, обладающаго нѣкой его состояніи, вдругъ, можетъ очутиться линошной своей правъ состояніи, и въ добавокъ прирѣзана будетъ переселиться изъ Екатеринславской губерніи въ отдаленныя мѣста Сибири. Такое предательство со стороны духова можетъ уронить ихъ въ глазахъ общества и поколебать до нѣкоторой степени саму вѣрованія спиритовъ. Скажу при семъ, наипрѣмнѣе: я непремѣнно хотѣлъ перейти въ секту спиритовъ, но нынѣ слыша оныя неблагополучнаго поведенія духова — и зная ихъ не хочу: не стоить.

Въ заботѣ моей о томъ, что будетъ дѣлать во время лѣта петербургамъ, принужденные судбою или чѣмъ нибудь другимъ — оставаться въ городѣ, хочу посоветывать имъ посвятить Суду, которому

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ МОДНОЙ МЕБЕЛИ. DESSINS DE MEUBLES MODERNES.

Альбомъ этотъ заключаетъ въ себѣ 16 листовъ, съ 60-ю тщательно исполненными рисунками и можетъ быть полезенъ не только для мебельщиковъ, но и для любителей.

Цена Альбому 3 р., съ перес. 4 р. с.

Главный складъ находится у книгопродавца-издателя Германа Гоппе, на Большой Садовой въ д. Ильина, № 16. (300).

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ОПИСАНИЕ

ВСЕРОССИЙСКОЙ

Мануфактурной Выставки

1870 года,

изящный иллюстрированный альбомъ.

АЛЬБОМЪ ЭТОТЪ ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ

— 76 изящно исполненныхъ рисунковъ —

съ замѣчательнѣйшихъ предметовъ Выставки; описаніе этихъ предметовъ; виды Выставки; замѣтки о лицахъ, представлявшихъ свои произведенія; указатель экспонентовъ по классамъ и раздѣламъ; списокъ наградъ и пр. и пр.

А Л Б О М Ъ

МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКИ

будетъ служить для публики и гг. экспонентовъ

ВОСПОМИНАНІЕМЪ О МАНУФАКТУРНОЙ ВЫСТАВКѢ 1870 ГОДА

и вѣсть съ тѣмъ прекраснымъ подаркомъ. Для послѣдней цѣли ищутся экземпляры въ коленкоровомъ переплетѣ съ золотыми тисненіями.

ЦѢНА АЛЬБОМУ ВЫСТАВКИ:

Безъ переплета и перес. 4 руб.; съ пересылкою 5 руб.

Въ коленкор. переплетѣ 5 руб.; съ пересылкою 6 руб.

Требованія адресовать въ Контору Редакціи «Всемирной Иллюстраціи» (Германа Гоппе), на Большой Садовой ул. домъ Ильина, № 16, въ С.-Петербургѣ. (295)

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВСАДНИКЪ БЕЗЪ ГОЛОВЫ.

РОМАНЪ ИЗЪ ТЕХАССКОЙ ПУСТЫНИ.

Капитана Майн-Рида.

въ 2-хъ частяхъ.

24 листа печати, въ 8 л. л. Цена 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. с.

Романъ этотъ лучшее произведеніе извѣстнаго англійскаго писателя Майн-Рида; въ Англіи онъ былъ изданъ въ 8-ми изданіяхъ и всѣ изданія эти распроданы до послѣдняго экземпляра. Содержаніе «Всадникъ безъ головы» способно заинтересовать не только молодого человѣка, но и человѣка пожилыхъ лѣтъ. Благодаря своей богатой фантазіи, Майн-Ридъ наполнилъ страницы романа сценами, могущими привлечь вниманіе читателя.

Съ требованіями слѣдуетъ обращаться въ Контору издателя ГЕРМАНА ГОППЕ, въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая улица, д. Ильина № 16. (296)

Хромофотографированный

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1871 г.,

на лучшей плотной бумагѣ. Цена 10 коп.; съ перес. 20 коп.

(Изданіе Германа Гоппе, на бол. Садовой ул., № 16, въ С.-Петербургѣ). (302)

ПО ПРОСЬБѢ МНОГИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ Я ЗАКАЗАТЬ

РОССКОМЪ

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕМѢТА

изъ англійскаго коленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Бруна. Цена покоршенъ для пересылки 2 р. 50 к., безъ пересылки 1 р. 15 к.; съ пересылкою 2 р. 50 к.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Гг. подписчиковъ, желающихъ приобрести эти покрывающіе для переплетовъ, издателя «ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ», просятъ обращаться со своими заказами по возможности предварительнѣе.

Цена первыхъ 4 томовъ „ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ“:

1869 г., т. е. томы I и II въ 12 р., съ пересылкою 15 р.

Переплетенные въ англійскіе, тисненные золотомъ, переплеты—16 р., съ пересылкою 19 р.

1870 г., т. е. томы III и IV въ 12 р., съ пересылкою 15 р.

Переплетенные въ англійскіе, тисненные золотомъ, переплеты—16 р., съ пересылкою 19 р.

1871 г. Для соображенія постепенно получаемымъ господами подписчиками №№ «Всемирной Иллюстраціи» за 1871 годъ, т. е. для томовъ V и VI, ищутся также россійскія покрывающіе для переплетовъ, по тому же рисунку и по той же цѣнѣ, какъ и для предшествующихъ томовъ.

Издатель «Всемирной Иллюстраціи» Германъ Гоппе.

(294)